

Агапов Николай

ПАКОСТЬ

18+

Николай Агапов

Пакость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41300503

SelfPub; 2019

Аннотация

Иногда самые прозаичные вещи вдруг могут показаться чем-то совершенно иным. И невольно встает... вопрос: "А не был ли я свидетелем подобного?"

Они вышли из дверей метро. Он напряг все свои мускулы, чтобы тяжелая массивная дверь поддалась его энергичному натиску и покорилась незнающей границ воле. И она покорилась. И как бы нехотя, будто стараясь задержать их в своем чреве, открывалась навстречу чудной ночи, наполнившей светлый город. Следом за ним в раскрытую дверь выпорхнула его спутница и натолкнулась на широкую спину, при этом невольно вскрикнув. А он, словно зачарованный, смотрел на колонны, удерживающие вход в метрополитен.

– Как мне нравятся эти колонны, – выдохнул мужчина, словно подруга подтолкнула его к этой мысли. Он сделал несколько шагов к ближайшей опоре и прикоснулся, ощущая струящуюся прохладу камня, которая передавалась ему, охлаждала его разгоряченное тело в июльский зной. Его подруга тоже подошла и коснулась поверхности руками, и ее оделила колонна бодрящей прохладой. Так они постояли еще какое-то время, а затем, повинувшись какому-то совместному чувству сковавшей их эмпатии, пошли налево, от одной колонны к другой, касаясь их, будто здороваясь с дорогими друзьями.

Подняв свои глаза, они увидели стеклянный фасад, в котором отражались их счастливые лица. Они завернули за угол и пошли в окружении стен, которые, казалось, уходили далеко в небо и попирали его своей мощью. Он поднял голову к звездам, они струили на него свой мягкий свет, приглушенный огнями города, и он с наслаждением ловил каждый

нюанс этого зрелища. Ему казалось, что каждая звездочка весело так смеется, отчего дрожит. И эту дрожь они могут наблюдать вместе. И будто рядом никого нет. Во всем мире.

Неспешно дойдя до угла здания, он остановился и устался себе под ноги, но потом все же набрался сил и поднял глаза на великолепие, открывавшееся перед ним. Да, сколько раз он подводил своих друзей и приятелей к фасаду этого чудесного здания и говорил: «Вы только посмотрите на эти окна, вы видите? Вы понимаете?». Но, не видя ответной реакции на чувства, так бурно исторгаемые его пламенеющим сердцем, он как обычно махал рукой и уходил прочь непонятый.

Так и теперь, ему хотелось разделить свой визуальный оргазм еще с кем-то, поэтому с усилием оторвав взгляд от окон, он повернулся к своей спутнице. Она уже, будто голубка, положила головку ему на плечо и, казалось, что-то шептала своими нежными алыми губками.

– Смотри какая красотища! – и он взял ее луноликое лицо в своим могучие ладони. Подержал так некоторое время, смотря в глаза своей музе, и потом широким жестом указал ей на окна, которые вызывали у него столь бурный восторг.

– О, это чудо из чудес! – шептали ее чувственные губы.

Он не смог удержаться и поцеловал эти сладострастные губы, и казалось они опьянили его.

Он подхватил свою спутницу, и они в каком-то головокружительном танце, огибая редких людей, шархавшихся

от них, и машины, весело гудящие им вслед, проплыли в сторону зеленого сквера, разделяющего проезжие части.

У них обоих головы кружились в каком-то синхронном удивительном танго. И так им было хорошо, и свет огней ночного города так в такт пульсировал с их бьющимися сердцами, что, казалось, пропади весь мир пропадом – и ничего, так оно и нужно. Только мы, только здесь, и сейчас.

Он шел и вдыхал полной грудью зеленые ароматы города, смешанные, да-да он явственно чувствовал это, с ароматом его, ну да, возлюбленной, хотя может в данный момент он и не решился бы ее так назвать. Такой терпкий и в то же время сладостный аромат, какой источает только что раскрывшийся ночной цветок в такую же ночь где-нибудь на Суматре.

Луна нещадно поливала ее волосы своим бесконечным бальзамом, и их лоск и переливы, томные зеленые глаза с хитрым прищуром, сверкавшие из под изящных арок бровей – все это разжигало желание в его немолодом, но еще пышущем энергией сердце. И он не вытерпел и поддался девятому валу желания, захлестнувшего его и раскрутившего как в центрифуге.

Они как раз проходили мимо кустов, он развернул к себе лицом свою желанную подругу. Казалось, он смотрел в эти глаза целую вечность, купаясь в них как в фонтане молодости. Та волшебная связующая нить была крепка как никогда, и каждая вибрация его души отдавалась резонансом в ее душе и разжигала нешуточные страсти там. И вот он властно

поднял руку, и она, словно робкая лань, прикрыв личико от стыда изящной ручкой, скользнула за кустики.

Он, чувствуя себя властелином вселенной, раздвинул сначала кусты, затем ее трепещущее тело. Легким движением рук он скинул стягивающие оковы одежды. Потом был только зверь, который хотел насыщения, плотского насыщения, но зверь был нежен и ласков, к нему нужен был только подход. Луна улыбалась, глядя на два вновь обретших юность сердца, слившихся в одно в порыве неудержимых страстей, взорвавших изнутри их одеревенелые тела. Его спину, двигавшуюся плавно и неотступно словно большая волна. Будто подбадривала влюбленных своим разлившимся светом яркая надпись «Ленинградский вокзал».

Он вышел из душного проклятого метро, желая вдохнуть свежего воздуха, но вместо этого снаружи его накрыла смрадная духота прожаренного мегаполиса.

– Чертова Москва! – процедил молодой человек, отирая пот со своей лысой головы.

Он взглянул на небо и, не увидев ничего своими подслеповатыми глазами, вернул свои очи земле, отчаявшись отыскать высшую справедливость в темных пустых небесах.

Пройдя быстрым шагом почти до перехода, его вдруг остановил звонок: мама. Нехотя, он поднял телефон на уровень глаз, мысленно досчитал до десяти – не помогло, мама была упорна. Поднес трубку к уху и язвительно сказал:

«Сыночка на проводе». Дальше говорить было не нужно, а он и не хотел, поэтому он начал озираться по сторонам. В проулок между зданиями выползли пара бомжей или алкоголиков, кто ж их разберет. Молодой человек брезгливо отвернулся и стал смотреть в другую сторону, вышагивая взад-вперед мимо спуска в подземный переход, и не слушая свою мать. Через некоторое время он развернулся и пошел в обратном направлении. Подняв голову, увидел, что парочка алконавтов остановилась на углу здания, и один тычет куда-то в сторону вокзала, что-то будто доказывая другому. Вдруг один, тот который что-то доказывал, как поцелует второго. «Ну, наверное, все-таки это женщина. Очень хочется верить. Хотя какая мне разница?» – пронеслось у молодого человека в голове, которая тут же снова заполнилась навязчивым голосом матери.

А парочка тем временем, обнявшись, и неуклюже, едва не сталкиваясь с прохожими, матерившими их на чем свет стоит, продефилировала к дороге. Отчаянно жестикулируя подъезжающим машинам, парочка вызвала естественное отторжение в виде потока истеричных сигналов, переплыла в сторону сквера, вклинившегося между широкими полосами раскаленного за день асфальта.

«Мам, пока, ну реально достала уже. Ты время видела? Все, я пошел», – резко отключившись, и злясь на телефон, на себя ведь злиться негоже, он сунул аппарат в карман и спустился в подземный переход.

Выйдя из перехода, парочка опять привлекла его внимание, потому что мужик (ну вроде тот, который целовал), вдруг ни с того ни с сего засадил своей спутнице такую оплеуху, что та опрокинулась в кусты, и затем стал копошиться руками в районе пояса. Молодому человеку стало омерзительно от того, что может произойти дальше с этими двумя опухшими и опустившимися "недолюдьми". В этот момент пришел спасительный трамвай и отрезал происходящее от его взора.

«Наверное, Бог все таки есть,» – решил он и прополз внутрь салона.

Лицо-маску лысого парня освещала своим призрачным светом яркая надпись «Ленинградский вокзал». И свет, отраженный его пустыми, ничего уже не желающими стеклянными глазами, возвращался в ночь, словно там ему было самое место.

А жизнь кипела и бурлила в своей прекрасной и вечно юной первозданной мощи.

В оформлении обложки использована фотография автора Gaelle Marcel с https://unsplash.com/photos/_DMC_h7LKp0